

Б. П. Полевой, А. М. Решетов

В. К. АРСЕНЬЕВ КАК ЭТНОГРАФ

Сто лет тому назад, 29 августа (по новому стилю — 10 сентября) 1872 г., в Петербурге родился выдающийся писатель и исследователь Дальнего Востока Владимир Клавдиевич Арсеньев. Один из авторов настоящей статьи неоднократно встречался с В. К. Арсеньевым в 1925—1928 гг. и с тех пор внимательно следил за обширной литературой, ему посвященной. Интереснейшие работы и публикации М. К. и Л. В. Азатовских, Ф. Ф. и Т. Ф. Аристовых, А. И. Васиной, Н. Е. Кабанова, Н. А. Навиндовского, Г. Г. Пермякова, Е. Д. Петряева, Ю. А. Сема и др. существенно уточнили биографию Арсеньева, и теперь появилась возможность на основе этих источников и некоторых еще не опубликованных данных полнее показать, как у Владимира Клавдиевича, человека необычайно яркой судьбы, впервые возник и развился интерес к этнографии и к каким научным и практическим результатам привели его многолетние этнографические исследования.

Еще в детстве под влиянием произведений Жюль Верна, Майн-Рида, Густава Эмара и другой приключенческой литературы Арсеньев стал с увлечением посещать те столичные музеи, где экспонировались этнографические коллекции. Сам Арсеньев не раз говорил Н. Е. Кабанову, что на него особое впечатление произвела петровская Кунсткамера. «Однажды, при посещении Кунсткамеры, — писал Н. Е. Кабанов, — В. К. Арсеньев отстал от взрослых и чуть было не заблудился среди многочисленных коллекций. Когда его нашли, он просил родных задержаться в музее еще и вторично осмотреть коллекции. Они показались ему другим миром, наполненным странными и неизвестными существами»¹.

В отроческие годы брат его матери, И. Е. Кашлачев, большой знаток природы, организовав несколько длительных экскурсий по реке Тосно, привил В. К. Арсеньеву на всю жизнь большую любовь к экспедициям и полевым исследованиям.

В эти же годы Арсеньев начал читать специальную этнографическую литературу. Впоследствии в своей краткой автобиографии В. К. Арсеньев писал: «Как любитель занимался этнографией с 1888 года»².

Во время учения в Петербургском юнкерском пехотном училище В. К. Арсеньев слушал лекции известного географа, этнографа и антрополога Э. Ю. Петри и географа М. Е. Грумм-Гржимайло, которому довелось вместе со своим знаменитым братом Г. Е. Грумм-Гржимайло совершить удивительно интересное путешествие через всю Центральную Азию.

¹ Н. Е. Кабанов, В. К. Арсеньев. Путешественник и натуралист. 1872—1930. Изд. Моск. о-ва испытателей природы. Историческая серия, № 29, М., 1947, стр. 8.

² Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР (далее ЛОА АН СССР), ф. 142, опись I (1925 г.), № 6, л. 186. Все материалы этого архива нами приводятся по копиям, снятым Т. В. Станюкович. Пользуемся случаем, чтобы выразить ей свою признательность за любезное предоставление нам возможности использовать эти ценные источники в настоящей статье.

Это еще более усилило в Арсеньеве интерес к странам Востока.

Оказавшись на военной службе в Польше, молодой Арсеньев продолжал увлекаться этно-географической литературой. Именно в этот период он ознакомился с четвертым томом «Истории русской этнографии» А. Н. Пыпина, с «Антропологией» Л. Крживицкого, с «Якутами» В. Серошевского и другими подобными работами. Особенно большое впечатление на него произвели печатавшиеся с 1894 г. в различных журналах статьи Д. И. Шрейдера о южных районах Уссурийского края. Под влиянием этих статей и трудов Н. М. Пржевальского В. К. Арсеньев стал просить военное командование перевести его на службу на Дальний Восток. «Когда мечта моя сбылась и я выехал на Дальний Восток, сердце мое замирало от радости в груди», — писал он впоследствии в своем рассказе «Фальшивый зверь»³. До Владивостока Арсеньев добрался только осенью 1900 года. И именно там, в окрестностях города, он начал вести свои первые наблюдения над местным населением. «К нам, — вспоминал он, — приезжали туземцы Дальнего Востока собирать раковины, мидии, крабов, трепангов, „каменную кожу“ — лишайники. Кругом водились дикие звери. А я был петербургский молодой человек и захлебывался впечатлениями»⁴.

Командир полка, обратив внимание на большой интерес В. К. Арсеньева к природе и местному населению Уссурийского края, назначил его начальником охотничьей команды. Занимаясь различными заготовками в тайге и проводя те или иные топографические съемки, В. К. Арсеньев все чаще и чаще сталкивался с аборигенами края. Новые дальневосточные друзья — ботаник Н. А. Пальчевский и особенно врач Н. В. Кириллов — дали ему первые советы, как собирать полезные для науки сведения о местных жителях и их образе жизни. С 1903 г. В. К. Арсеньев становится действительным членом Общества по изучению Амурского края, лично знакомится с известными исследователями Дальнего Востока В. П. Маргаритовым и Н. В. Слюниным.

В течение нескольких лет В. К. Арсеньев работал в районах, заселенных главным образом удэгейцами и орочами. В 1902—1903 гг. он обследовал южные районы Уссурийского края от р. Сучан до р. Лефу. После окончания русско-японской войны 1904—1905 гг. Арсеньев сосредоточивает свое внимание на более северных районах края — вблизи хребта Сихотэ-Алинь. Он совершает ряд походов от Уссури через перевалы до побережья Японского моря. За это время он убедился в том, что этнографические исследования С. Н. Брайловского по удэгейцам и В. П. Маргаритова по орочам недостаточно полны и решил серьезно заняться изучением этих народов. Он обратился за помощью в петербургский Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. Ему ответил Л. Я. Штернберг, между ними завязалась переписка. Штернберг не только дал Арсеньеву методические советы, но и прислал ему ценные книги, в том числе труды Л. И. Шренка и Р. К. Маака. Штернберг инту-

Рис. 1. Владимир Клавдиевич Арсеньев. Фотография В. Н. Пашковского, 1929 г. Публикуется впервые (Из архива А. Н. и К. А. Криштофовичей)

³ В. К. Арсеньев, Соч., т. 4, Владивосток, 1947, стр. 145.

⁴ Цит. по: Н. Е. Кабанов, Указ. раб., стр. 13.

итивно угадал, что из молодого Арсеньева со временем выйдет опытный полевой исследователь.

Уже вскоре Арсеньев в своих этнографических исследованиях стал придерживаться следующих правил: 1) тщательно изучать язык местного населения — не только потому, что беседа на языке информатора дает лучшие результаты, но и потому, что в словаре аборигенов имеются слова, проливающие свет на их прошлое; 2) никогда не устраивать специальных «допросов» с протокольной записью рассказа местных жителей, так как это тяжело для информаторов, да и о многом они предпочтут умолчать; вести сбор этнографической информации следует всегда «между делом и во время пути, на охоте, рыбной ловле, при починке лодки и т. д.»⁵; 3) не раскрывать свое личное отношение к сообщаемому, даже к заведомой фантазии или лжи. «При расспросах местных жителей и особенно орочей и удэхейцев, — сообщал Н. Е. Кабанов, — Арсеньев никогда не изумлялся чем-нибудь, каким бы ни был рассказ — правдоподобным или неправдоподобным. Все выслушивалось им благоговейно, спокойно и вполне серьезно с тем, чтобы, обдумав потом, внести в тетрадь только самое необходимое. Орочи и удэхейцы ценили эту черту характера Арсеньева, легко веряли ему свои тайны, сомнения или просто-напросто вели задушевные беседы, отлично сознавая, что все это ему нужно и что он их не подведет»⁶. Как правило В. К. Арсеньев делал все записи в день получения информации, чтобы ничто ценное не могло «улетучиться».

Такой подход к изучаемым народам позволял В. К. Арсеньеву добиваться очень больших научных результатов, собирать ценнейшие этнографические коллекции. Однако первые труды В. К. Арсеньева по этнографии появились сравнительно поздно: из-за недостатка знаний он первоначально еще не умел правильно обобщать материал. Первые его рукописи Л. Я. Штернберг сурово критиковал. Сам В. К. Арсеньев вспоминал: «... на моей первой рукописи, которую я выслал ему на просмотр, он сделал надпись: „Ерунда. То, что Вы затеваете, несерьезно“. В другой раз было написано: „Все надо переделать сызнова“ и при этом давал ценные указания, где найти материал для сравнения и как надо переделать. Потом я стал получать от него свои рукописи с такими надписями: „Ну, слава богу, теперь Вашу работу можно хоть исправлять немного“ и опять ряд справок и указаний. В письме от 1909 г. я получил следующие строки: „Много неточного и поспешного в Вашей статье. Это все результаты провинциальной работы. Очень жаль. Между прочим по этой работе можно думать, что Вам еще следует побывать у удэхе. Хотелось бы, чтобы эта работа (об удэхе) вышла образцовой. Тяжело мне огорчать Вас своим отзывом, но думаю, что для Вас полезно выслушать голос весьма расположенного к Вам человека...“»⁷.

Арсеньев всегда строго следовал советам Л. Я. Штернберга. Но впервые лично встретиться им довелось только в 1910 г., вскоре после того как Арсеньев был избран директором Хабаровского краеведческого музея (в те времена он еще назывался «Гродековским», по фамилии приамурского генерал-губернатора Н. И. Гродекова, проявлявшего немалый интерес к этнографическим изысканиям). Вместе с Штернбергом Арсеньев побывал на Нижнем Амуре и на западном побережье Сахалина. Именно тогда В. К. Арсеньев смог впервые познакомиться с тем, как Л. Я. Штернберг и его помощники (студенты университета И. М. Аншелес и И. И. Зарубин) производили антропометрические измерения и

⁵ В. К. Арсеньев, Вымирание инородцев Амурского края, Хабаровск, 1914, стр. 348.

⁶ Н. Е. Кабанов, Указ. раб., стр. 29.

⁷ В. К. Арсеньев, Памяти Л. Я. Штернберга, «Записки Приморского филиала Географического об-ва СССР», Владивосток, 1966, т. 25.

впервые на русском Дальнем Востоке осуществили записи нанайских и нивхских песен на валики фонографа.

Вскоре этнограф Б. Ф. Адлер пригласил своего дальневосточного коллегу принять участие в организованной в Петербурге при Русском музее общероссийской этнографической выставке. За пожертвование на выставку коллекции Арсеньев получил большую серебряную медаль. Во время своего пребывания в Петербурге Арсеньев не раз выступал с докладами по этнографии Дальнего Востока. В столице он впервые познакомился со многими видными учеными—П. П. Семеновым, С. Ф. Ольденбургом, П. К. Козловым, В. В. Радловым, Д. А. Клеменцом, В. В. Бартольдом, Д. К. Зелениным и др. Тогда же он получил за свою деятельность малую серебряную медаль Географического Общества.

В Петербургском университете под руководством Ф. К. Волкова он научился производить краниологические измерения. Впоследствии ученый говорил, что «изучение деталей черепа приучило его к точности в словесном описании человеческого лица»⁸. Побывал В. К. Арсеньев и в Москве, где познакомился с Д. Н. Анучиным. 25 апреля 1911 г. В. К. Арсеньев был официально освобожден от военной службы в армии и с сохранением воинского довольствия и жалования прикомандирован в распоряжение министерства земледелия и государственных имуществ. Это позволило ему полностью отдаться научной работе. Больше всего он уделял внимания этнографическому отделу хабаровского музея. «До 1911 г. Музей представлял из себя совершенно бессистемный склад этнографических предметов... К сегодняшнему дню почти все приведено в порядок», — с гордостью писал Арсеньев в 1914 г.⁹ «Наш музей значительно пополнился. Вы его теперь не узнаете. Этнографический отдел — лучший в Сибири! Есть вещи, которые заслуживают особого внимания», — тогда же сообщал он Л. Я. Штернбергу¹⁰. Неудивительно, что Фрицьоф Нансен после посещения хабаровского музея в 1913 году писал: «...здесь было чему поучиться под руководством знающего чирочера, каким явился знаток этих краев и бывалый путешественник капитан Арсеньев... капитан Арсеньев указал мне много интересных предметов, рисующих быт различных здешних туземцев, которых капитан основательно изучил»¹¹. С особым восхищением знаменитый полярный исследователь рассматривал коллекцию саней «различных фасонов — собачьи и олени, — и ороческие, и гольдские, и камчадалские, и пр.». «К большому своему изумлению, я нашел, — отмечал Ф. Нансен, — что в некоторых деталях многие из саней, употребляемых в самых восточных областях (но не в западных), имели значительное сходство с санями-лыжами, придуманными мною для гренландской экспедиции 1888 года и принятыми затем для всех полярных экспедиций...»¹².

По словам самого В. К. Арсеньева, в хабаровском музее тогда лучше всего был отражен образ жизни нанайцев, орочей, эвенков, якутов, чукчей, коряков и нивхов. Слабо были представлены эвены, ительмены, алеуты и айны. Никак не были показаны ульчи, негидальцы, сахалинские ороки и некоторые другие народности Дальнего Востока.

Показательно, что В. К. Арсеньев заботился не только о пополнении «своего» хабаровского музея, но и других музеев страны. Часто он посылал этнографические экспонаты в Петербург, Москву, Казань и другие города. В одном из писем к Л. Я. Штернбергу в 1913 г. В. К. Арсеньев подчеркивал: «Свой сбор я никогда не продаю, а жертвую. Продажи

⁸ Г. Г. Пермяков, Тропой женьшена, Хабаровск, 1965, стр. 95.

⁹ Письма В. К. Арсеньева к Д. Н. Анучину (публикация А. И. Васиной), «Сибирские огни», 1963, № 3, стр. 183.

¹⁰ ЛОА АН СССР, ф. 142, оп. 1, № 67, л. 244 об.; см. также В. К. Арсеньев, Жизнь и приключения в тайге, М., 1957, стр. 220.

¹¹ Ф. Нансен, В страну будущего, Пг., 1915, стр. 338—339.

¹² Там же, стр. 340.

вещей в музей я не допускаю. Музей — дело народное, общее, и потому все должны работать бескорыстно»¹³.

Особенно много ценных экспонатов В. К. Арсеньев отправил в Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого¹⁴. В октябре 1910 г. он из Владивостока послал «дерево тотем» (шаманский столб), который и поныне стоит в вестибюле музея (рис. 2)¹⁵ и ороческую «гробницу Ингину с гробом и хорошо сохранившимся трупом (естественная мумификация) со всеми погребальными аксессуарами»¹⁶. Несколько позже, в октябре 1911 г., В. К. Арсеньев направил в Русский музей и Музей антропологии и этнографии тринадцать ящиков дубликатов этнографических предметов. Т. В. Станюкович удалось разыскать немало архивных документов о весьма частых поступлениях этнографических экспонатов в Музей имени Петра Великого от В. К. Арсеньева¹⁷. Известная часть этих экспонатов была использована при обменах с иностранными музеями. Но большинство даров Арсеньева до сих пор хранится в музее. Это праздничная одежда нанайцев, их обувь и украшения, деревянные резные изображения различных духов, предметы, связанные с шаманским камланием, и другое. Особенно много Арсеньев передал в музей скелетов и черепов. Порою Арсеньев по поручению Л. Я. Штернберга производил закупки тех или иных этнографически ценных предметов, иногда их выменивал. Так, в 1910 г. Штернберг оставил ему бусы и различные ткани для обмена. На это Арсеньев приобрел: «семь вещей, три идола (севохи), зыбки с повесками из костей рыси, пояс в виде змеи и унты с орнаментами»¹⁸.

Чтобы упорядочить снабжение столичных музеев этнографическими экспонатами, Арсеньев не раз настаивал на скорейшем издании каталогов по музейным фондам. Он утверждал, что такие каталоги позволят ему посылать в музей именно то, что этим музеям не хватает.

Весьма тепло В. К. Арсеньев принимал на Дальнем Востоке всех посланцев Л. Я. Штернберга. «Спасибо за то, что Вы,— писал он Льву Яковлевичу,— посылаете ко мне с письмами людей, любящих антропологию и этнографию. От них я узнаю новости из научной литературы и, вообще, почерпываю знания»¹⁹.

Для Арсеньева это были годы весьма интенсивного изучения этнографических трудов, годы успешной работы своеобразного научного семинара при хабаровском музее, на котором часто обсуждались этнографические доклады.

Работая в музее, Арсеньев начал подготовку к печати крупных монографий. В 1912 г. вышел в свет первый крупный труд В. К. Арсеньева — «Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края» (в двух частях), в котором приводились и некоторые ценные сведения о местном населении. Уже в этой работе Арсеньев поднял вопрос о необходимости защиты местного населения от его главных угнетателей — незаконно проникавших в Уссурийский край китайских

¹³ В. К. Арсеньев, Жизнь и приключения в тайге, стр. 219.

¹⁴ Популярный обзор этой коллекции дан в кн.: Т. К. Шафрановская, Чудес палата. Л., 1967, стр. 42—51.

¹⁵ Краткое описание этого шаманского столба см.: В. В. Антропова, Ч. М. Таксагин, Коллекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР по народам тихоокеанского побережья СССР, Сб. «Страны и народы Востока», вып. VI, М., 1968, стр. 10.

¹⁶ В. К. Арсеньев, В горах Сихотэ-Алиня, М., 1937, стр. 161.

¹⁷ Т. В. Станюкович, Музей антропологии и этнографии за 250 лет, «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XXII, М.—Л., 1964, стр. 82. Ссылки: Архив МАЭ, Журнал поступлений; коллекции 1917, 2252, 2336, 2368, 2373, 2394 и др., а также ЛОА АН СССР, ф. 142, оп. I, № 57, лл. 211—213; № 66, лл. 110, 292, 293, 363; № 67, л. 244; № 68, л. 120. См. также газ. «Приамурье» 30 окт. 1911 г.

¹⁸ В. К. Арсеньев, Жизнь и приключения в тайге, стр. 219.

¹⁹ ЛОА АН СССР, ф. 142, оп. I, № 67, л. 292 об. Цит. по Т. В. Станюкович, Указ. раб., стр. 82.

скупщиков пушнины, женьшеня и других богатств тайги. Более подробно В. К. Арсеньев рассмотрел эти вопросы в своей историко-этнографической монографии «Китайцы в Уссурийском крае». В этом труде, который был опубликован в 1914 г. в Хабаровске, он убедительно показал, что китайские торговцы в Уссурийском крае появились только в середине XIX в. До этого в течение нескольких веков край заселяли обособленные группы маньчжуро-тунгусов. Китайские торговцы довели местных жителей до обнищания и вымирания. Они терроризировали население края с помощью банд хунхузов, учиняли дикие самосуды, например, непокорных живыми по горло закапывали в землю. Они спаивали местных жителей ханшином, приучали их к азартным играм, что давало им возможность быстрее опутывать их кабальными обязанностями. Хищничество скупщиков принимало невероятные размеры. Так, в одном из помещений при Сехобейской «лудеве» (яме для ловли оленей) Арсеньев обнаружил 40 пудов оленьих жил, приготовленных для вывоза за границу. Чтобы заготовить такое количество сырья, потребовалось истребить около 1600 оленей! В гигантском количестве из русских владений незаконно вывозилась ценная пушнина, которая в Китае сбывалась западноевропейским мехоторговцам.

Вторая монография В. К. Арсеньева была весьма высоко оценена этнографами. В. В. Богданов писал: «Характерной особенностью материалов и заметок В. К. Арсеньева надо признать их проникновение во многие такие детали быта и с таким наглядным воспроизведением, которые доступны только очень внимательному и вдумчивому исследователю»²⁰. Позже эта монография Арсеньева была отмечена Русским географическим обществом премией М. И. Венюкова.

В 1913 г. В. К. Арсеньев представил интереснейшую этнографическую коллекцию на Приамурскую краевую выставку, за что был удостоен большой золотой медали Амурского общества сельского хозяйства.

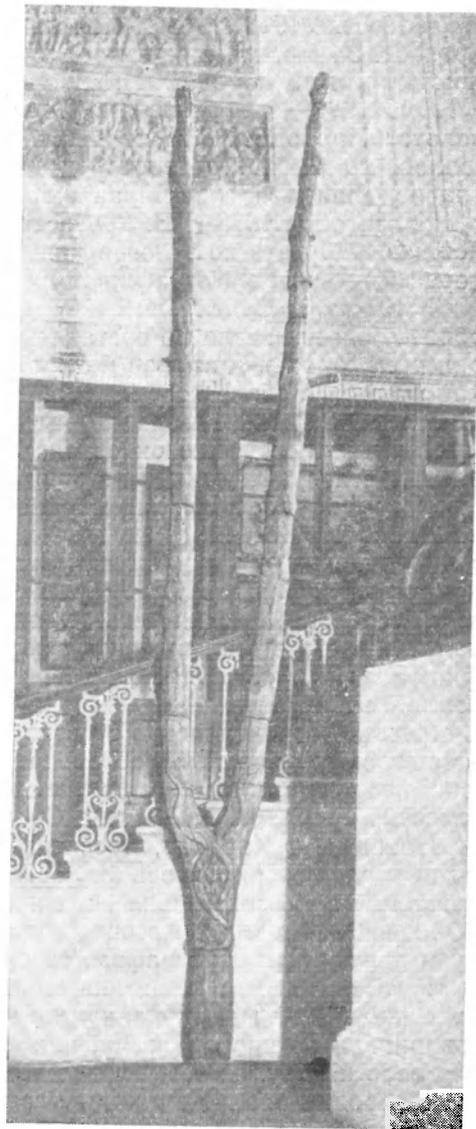

Рис. 2. «Дерево тотем» (шаманский столб). Дар В. К. Арсеньева Музею антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР. Установлено в вестибюле Музея

²⁰ В. В. Богданов, Рец. на кн. В. К. Арсеньева «Китайцы в Уссурийском крае», «Этнографическое обозрение», 1915, № 1—2, стр. 153.

В том же 1913 г., выступая на Первом съезде врачей Приамурского края, В. К. Арсеньев призывал организовать регулярную медицинскую помощь малым народам. Именно тогда прозвучали его страстные слова: «Посмотрите,—кто указал нефть на Сахалине? Инородцы. Кто указал золото? Инородцы. Кто является проводниками в бесчисленных экспедициях по Сибири? Инородцы. Мириться с вымиранием инородцев,— значит, мириться с вымиранием большей части населения Сибири»²¹.

22 сентября 1913 г. В. К. Арсеньев сообщал Б. М. Житкову: «Я продолжаю работать по этнографии. Занимаюсь измерением живых людей (орочей, удэхе), фотографирую их нагими, собираю образцы волос...»²².

В 1914 г. в Отделении этнографии Географического общества была образована комиссия по составлению этнографических карт по территории всей страны. Арсеньев по просьбе Л. Я. Штернберга принял активное участие в сборе необходимой этнографической информации. Он разослал в различные районы Дальнего Востока многочисленные опросные книжки. Тогда же он передал многим краеведам и известные подробные этнографические инструкции Л. Я. Штернберга.

Когда началась первая мировая война В. К. Арсеньев был оставлен на Дальнем Востоке как знаток края. Но новый управитель края Н. Л. Гондатти, в прошлом сам занимавшийся этнографическими исследованиями в Приамурье, умышленно препятствовал организации новых исследовательских экспедиций Арсеньева, а в 1915 г. он предпочел направить его в Маньчжурию с поручением весьма далеким от этнографии. Владимир Клавдиевич воспользовался этой поездкой для ознакомления с этнографией Маньчжурии и выступил в июне 1916 г. в Харбине в обществе ориенталистов с несколькими этнографическими докладами: «Наши американоиды» (об орочах и удэгейцах), «Шаманство у сибирских инородцев и их анимистические воззрения на природу» и «Этнологические проблемы на востоке Сибири»²³.

Находясь в Харбине, Арсеньев обратился к некоторым столичным ученым с просьбой помочь ему организовать новые этнографические экспедиции при содействии столичных учреждений, минуя Гондатти. 15 июня 1916 г. В. К. Арсеньев писал Л. Я. Штернбергу: «Гондатти, будучи присяжным этнографом, совершенно не интересуется этой наукой. В Музей он никогда не заглядывает. Никогда в Приамурье так не стоял худо инородческий вопрос, как за время его правления. Когда с ним заговаривали об инородцах, он или морщится, или старается перевести разговор на другую тему. Ныне гиляки вымерли больше, чем наполовину. Инородцы гибнут с каждым годом все больше и больше. На заседании по инородческому вопросу меня, как человека беспокойного, который много шумит и ругается, не приглашают. Судьбу инородцев решают те хлестаковы, которые говорят: „чем скорее вымрут, тем лучше“»²⁴.

Естественно, В. К. Арсеньев не мог мириться с подобным положением. Он открыто выступил против Гондатти, что привело к «полному разрыву» между ними. Из-за этого Арсеньеву даже пришлось покинуть хабаровский музей. 4 января 1917 г. он писал Л. Я. Штернбергу: «Покончив работы с Гродековским музеем, теперь я всецело стану успешно работать для музея Петра Великого. Пожалуйста, смотрите на меня как на своего помощника, обитающего на месте (в Сибири)...»²⁵.

²¹ А. А. Степанов, В. К. Арсеньев и Приморский филиал Географического общества, «Вопросы географии Дальнего Востока», сб. 3, Хабаровск, 1957, стр. 138.

²² В. К. Арсеньев, Жизнь и приключения в тайге, стр. 219.

²³ Краткое изложение всех этих докладов дано в «Протоколах публичных заседаний Общества русских ориенталистов (6—15 июня 1916 г.)» в харбинском журнале «Вестник Азии», кн. II—III, Харбин, 1916 г., стр. 324—339. Запись востоковеда П. В. Шкуркина. В том же журнале (стр. 50—76) был опубликован полный текст доклада Арсеньева «Этнологические проблемы на востоке Сибири». Особое внимание в этом докладе было уделено главным отличиям орочей от удэгейцев.

²⁴ ЛОА АН СССР, ф. 142, оп. I, № 68, л. 138 об.

²⁵ Там же, № 71, л. 19.

Но Гондатти решил учинить над «непокорным» расправу: направить Арсеньева в запасный полк, который отправлялся на фронт. Исполнению этого замысла помешала Февральская революция: возникшие в Уссурийском крае советы потребовали скорейшего возвращения Арсеньева на Дальний Восток. 24 апреля 1917 г. Южноуссурийское отделение Русского географического общества направило из Никольска-Уссурийска телеграмму Временному правительству, в Академию наук и вице-президенту РГО следующего содержания: «Подполковник Владимир Клавдиевич Арсеньев выехал в Ачинск в тринадцатый запасной полк и (далее на) фронт. Принимая [во] внимание, что Арсеньев, является единственным [в] мире знатоком Уссурийского края, его бродячих, полуседлых аборигенов, называемых инородцами, численность коих достигает 12 000 и кои благодаря безграмотному управлению прежних властей и жестокой эксплуатации... идут по пути быстрого вымирания. Областной съезд председателей исполнительных комитетов единогласно признал неотложным сосредоточить все дела местных инородцев в руках особого инородческого комиссара, в руках Арсеньева, к которому они неоднократно обращались за разбором своих семейных дел, приезжая из-за этого в Хабаровск за сотни верст глухой тайги, тратя на дорогу три месяца,— [который] может справиться с задачей предоставления им возможности свободного культурного существования и защиты [от] бесчеловечной эксплуатации. Признавая, что интересы государственные требуют неотложной и разумной заботы об инородцах, до сих пор являющихся единственными посредниками между недоступной, сказочно богатой Уссурийской тайгой и русской инициативой, Южноуссурийское отделение Географического общества настоятельно просит Вас, оставив Арсеньева в крае, дать ему возможность принести свои силы государству там, где никто не сможет заменить его, где вмешательство обыкновенного чиновника бесполезно и только ускорит процесс вымирания людей. Областной съезд поручил Арсеньеву принять возможно полное участие в деле местного управления»²⁶.

Арсеньев был возвращен на Дальний Восток и сразу же назначен «комиссаром по инородческим делам в Приамурском крае». Арсеньев сперва горячо принялся за работу. «Хотелось бы многое сделать для инородцев...»,— писал он Л. Я. Штернбергу²⁷. Но вскоре он убедился, что бессилен перед бесчинствами жадных до барышей капиталистов: «Свободу они поняли, как свободу эксплуатации, свободу торговли спиртом, как свободу самых жестоких и грубых насилий»,— жаловался он Л. Я. Штернбергу²⁸. Протесты Арсеньева оставались без ответа. Он понял, что Временное правительство ничего не хочет сделать для облегчения жизни аборигенов Дальнего Востока. И тогда Арсеньев сложил с себя обязанности комиссара. «Вертеть колесо, от которого нет привода, и быть равнодушным свидетелем безобразий и насилий, которые чинились над инородцами, числиться их шефом — я не мог»,— писал впоследствии он В. Л. Комарову²⁹.

С 1917 г. началась преподавательская деятельность Арсеньева: он приступил к чтению лекций по краеведению в Хабаровском народном университете. С 1919 г. он работает во Владивостокском учительском институте, вскоре преобразованном в Дальневосточный Государственный педагогический институт им. К. Д. Ушинского. Здесь он читал лекции по истории первобытной культуры, а с 1920 г. и по антропологии. При этом Арсеньев использует любую возможность для изучения не известных

²⁶ Е. Е. Шнейдер, К биографии В. К. Арсеньева, «Сов. архивы», 1968, № 1, стр. 108—109.

²⁷ ЛОА АН СССР, ф. 142, оп. I, № 71, л. 70.

²⁸ ЛОА АН СССР, ф. 142, оп. I, № 71, л. 70.

²⁹ В. К. Арсеньев, Жизнь и приключения в тайге..., стр. 241.

ему районов Дальнего Востока. Так, в конце 1917 г. он побывал в горной области, расположенной к северу от Хабаровска, между верховьями реки Урми и озером Болонь (Оджал). В 1918 г. в качестве представителя Приморского переселенческого управления Владимир Клавдиевич совершил поездку на Камчатку³⁰.

Затем он становится «младшим инспектором рыболовства» и совершает ряд поездок по Японскому морю.

В 1919 г. В. К. Арсеньев начинает безвозмездно работать во Владивостокском краеведческом музее, которым в это время руководил энтузиаст-краевед Н. М. Соловьев. Вскоре дочь Соловьева, Маргарита, становится женой исследователя³¹. Она уговорила отца продать принадлежавшую ему недвижимость и полученные деньги использовать для издания давно уже написанных литературных произведений Арсеньева. В 1920 г. отдельной брошюрой публикуется рассказ «Амба», а в 1921 г. книга «По Уссурийскому краю». По общему мнению, блестящее знание В. К. Арсеньевым этнографических «тонкостей» значительно обогатило палитру его изобразительных средств и позволило еще более усилить впечатляющую силу его литературных произведений. Успех книги был велик. В 1923 г. Арсеньев публикует новую свою книгу «Дерсу Узала». Ровно через год обе книги выходят в Берлине в переводе на немецкий язык с восторженным отзывом Ф. Нансена³². Весьма положительно о книгах В. К. Арсеньева отозвались шведский исследователь Азии Свен Гедин, немецкий исследователь Африки Георг Швейнфурт и известный исследователь Гренландии, автор знаменитой теории движения материков — Альфред Вегенер.

Литературная деятельность не мешала Владимиру Клавдиевичу продолжать свои работы по этнографии. В 1921 г. он становится заведующим отделом этнографии Владивостокского краеведческого музея, а 21 июля того же года был избран профессором по кафедре краеведения и этнографии местного Педагогического института. Тогда же во владивостокском журнале «Русское Приморье» (1922, №№ 2—5) он публикует этно-охотоведческий очерк «Соболь и способы охоты на него в Уссурийском крае» и отдельную брошюру «Туземные способы соболевания в Уссурийском крае и скупка мехов».

В апреле 1922 г. Арсеньев выступал с обзорным докладом на Первом съезде краеведов Уссурийского края³³. Тогда же он поднял вопрос о посылке его в район залива Шелихова в Охотском море. В своем заявлении Арсеньев указывал, что «Гижигинский район в границах р. Ирет (на западном побережье Пенжинского залива) и р. Лесновской (на полуострове Камчатка) представляет особый интерес в отношении этнографическом и статистическом»³⁴. Получив положительный ответ, он 12 июня 1922 г. заявил, что в предстоящей экспедиции «центром тяжести будут этнологические исследования сидячих и оленных коряк». Во время экспедиции исследователя чуть было не захватили белобандиты. Но все окончилось благополучно. Уже 15 октября 1922 г. во владивостокском клубе «Маяк» В. К. Арсеньев «ознакомил аудиторию с жизнью и осо-

³⁰ Арсеньев готовил к печати статью «Путешествие на Камчатку в 1918 году». Дальнейшая судьба этой статьи пока остается неизвестной (см. Н. Е. Кабанов, Указ. раб., стр. 90).

³¹ Подробные сведения о первой жене В. К. Арсеньева — Анне Константиновне см. в кн.: Г. Г. Пермяков, Тропой женьшена, 1965, стр. 82—101.

³² W. K. Arseniew, In der Wildnis Ostsibiriens. Forschungsreisen in Ussurigebiet. V. I, Berlin, 1924; V. II, Berlin, 1925.

³³ Тезисы этого доклада были опубликованы в «Известиях Южно-Уссурийского отделения Приамурского Русского географического общества», вып. 4, апрель 1922 г., стр. 55—56.

³⁴ «Дальний Восток», 1961, № 2, стр. 167.

бенностями вымирающего камчатско-гижигинского населения»³⁵. А через десять дней В. К. Арсеньев лично приветствовал вступление Красной Армии во Владивосток. Не без гордости он сообщал В. Л. Комарову в Петроград, что, несмотря на огромные трудности гражданской войны и иностранной оккупации, владивостокские краеведы «...сумели сохранить в целостности музей и библиотеку». Ничего не пропало, а, наоборот, «...еще производили некоторые работы»³⁶.

В 1923 г. В. К. Арсеньев отправляется на Командорские острова³⁷. Здесь он изучает хозяйство алеутов и дает местным властям ряд практических рекомендаций с целью улучшения быта алеутов. Во время стоянки парохода в Петропавловске В. К. Арсеньев успел совершить восхождение на Авачинскую сопку³⁸.

В 1924 г. В. К. Арсеньев побывал в Чите и в Ленинграде. Именно тогда он передал известному хранителю Читинского музея А. К. Кузнецову целую серию этнографических картин, выполненных владивостокскими художниками А. И. Клементьевым и К. П. Тимофеевым. На этих картинах были изображены представители различных народов Дальнего Востока в национальных костюмах. Все костюмы были подробно прокомментированы Арсеньевым. Кузнецов был весьма благодарен за этот ценнейший дар. Он писал Арсеньеву: «Картины развешаны в этнографическом отделе Музея (теперь расширенном) и служат лучшим научным и художественным украшением музея и памятью о Вас, как известном, вдумчивом, многостороннем этнографе»³⁹. К сожалению, до наших дней уцелели лишь некоторые фотографии этих картин⁴⁰.

В Ленинграде Арсеньев вновь встретился с Л. Я. Штернбергом. Когда Арсеньев рассказал, что во Владивостоке и Хабаровске некоторые лица относятся к нему враждебно и порою заявляют, что «солдата» без научных степеней и званий «нельзя допускать в университет», Штернберг немедленно пригласил его на работу в музей им. Петра Великого в качестве научного сотрудника.

По возвращении во Владивосток Арсеньев убедился в том, что партийные руководители края относятся к нему с полным доверием и нуждаются в его помощи. Арсеньев принимает предложение вновь возглавить Хабаровский краеведческий музей и принимает активное участие в организации «баз для культурно-просветительной работы» среди малых народов Дальнего Востока. Уже в 1925 г. он писал Л. Я. Штернбергу: «В настоящее время я не только директор Музея, но заместитель председателя Дальневосточного краевого отдела Русского географического общества, ученый секретарь кабинета народного хозяйства при Дальплане и заведующий отделом охоты на морского зверя в Управлении рыбными и морскими звериными промыслами Дальневосточной области»⁴¹. Вскоре Арсеньев убедился, что при такой громадной нагрузке он не в состоянии заниматься научной работой. К тому же он жил «в проходной комнате за занавеской, лишенный стола, своей библиотеки,

³⁵ Газ. «Мир» (Владивосток) от 17 октября 1922 г. Основные результаты экспедиции изложены Арсеньевым в статье «Гижигинский промысловый район» в журн. «Экономическая жизнь Дальнего Востока» (Хабаровск), 1925, № 5, стр. 17—37, № 6, стр. 17—34.

³⁶ В. К. Арсеньев, Жизнь и приключения в тайге, стр. 241.

³⁷ В. К. Арсеньев, Командорские острова в 1923 году, сб. «Рыбные и пушные богатства Дальнего Востока», Владивосток, 1923, стр. 420—464.

³⁸ Это восхождение подробно описано В. К. Арсеньевым в его брошюре «В кратере вулкана» (Владивосток, 1925).

³⁹ В. К. Арсеньев, Соч., т. 6, стр. 235. Подробнее см.: Е. Д. Петряев, Из наследия В. К. Арсеньева, «Дальний Восток», 1962, № 5, стр. 169—174; его же, Этнографические картины В. К. Арсеньева, «Известия Забайкальского отдела Географического общества СССР», 1965, т. I, вып. 4, стр. 120—124.

⁴⁰ Одна фотография сохранилась у Е. Д. Петряева. Несколько фотографий были воспроизведены в журнале «Natural History» (1924, № 6, р. 713—717).

⁴¹ В. К. Арсеньев, Жизнь и приключения в тайге, стр. 228.

карт, дневников и рукописей, и т. д.»⁴². все это находилось во Владивостоке, где продолжала жить его семья. Именно в этот период В. К. Арсеньев решает воспользоваться предложением Л. Я. Штернберга и посылает заявление о поступлении в Ленинградский Музей антропологии и этнографии АН СССР. В тот же период Арсеньев направил в Музей ряд этнографических коллекций.

Непременный секретарь АН СССР, С. Ф. Ольденбург горячо приветствовал решение Арсеньева переехать в Ленинград. Владимир Клавдиевич был немедленно избран «научным сотрудником первого разряда»⁴³. Но, вернувшись к семье во Владивосток, он заколебался: ведь все его научные интересы были тесно связаны с Дальним Востоком, и здесь продолжали печататься его научные труды. В течение одного лишь 1925 г. во Владивостоке была издана целая серия его брошюр: «Дорогой хищник», «Охота на соболя в Уссурийском крае», «Искатели женьшеня в Уссурийском крае», «За соболями. Скупщики пушнины на Дальнем Востоке» и др. И Арсеньев решил остаться во Владивостоке.

Штернберг был огорчен этим отказом, так как считал Арсеньева очень способным этнографом: «Последнее время Вы мало пишете по этнографии, но и то, что Вы сообщаете, представляет из себя настоящие шедевры»⁴⁴. В 1926 г. Л. Я. Штернберг надеялся встретиться с Арсеньевым на Дальнем Востоке и даже поработать с ним вместе в поле. Но этому помешала болезнь Штернберга. Не смог Арсеньев встретиться со Штернбергом и тогда, когда тот в составе советской делегации проезжал через Владивосток в Японию на Третий Тихоокеанский научный конгресс. В своем обстоятельном историческом обзоре этнографических исследований русских ученых на Тихом океане, представленном конгрессу, Л. Я. Штернберг особо отметил труды В. К. Арсеньева по удэгейцам⁴⁵.

В эти же годы В. К. Арсеньев успешно работал совместно с дальневосточным этнографом Е. И. Титовым. В 1926 г. они выступили с общим докладом «Население Дальнего Востока как производительный фактор» на Первой конференции по изучению производительных сил Дальнего Востока, которая была созвана в Хабаровске по инициативе В. К. Арсеньева (он же был председателем оргбюро этой конференции). В 1927 г. их совместный доклад, содержащий подробную характеристику четырех групп населения края по данным переписи 1926 г., был опубликован в Москве⁴⁶, а в 1928 г. появилась их совместная этнографическая книжка «Быт и характер народностей Дальневосточного края», которая вскоре была переведена на японский язык.

В 1926—1927 гг. В. К. Арсеньев по поручению Дальневосточного переселенческого управления обследовал район амурского Анюя до Советской Гавани. Это позволило ему собрать новые ценные этнографические материалы. Предметы материальной культуры он отослал в различные музеи, в том числе и в Ленинградский Музей антропологии и этнографии. Именно в эти дни до него дошла печальная весть о кончине Л. Я. Штернберга. 19 мая 1928 г. Арсеньев выступил во Владивостоке с обширным докладом об ученом, в котором между прочим сказал: «Оглядываясь назад, в прошлое, могу сказать, что в своих работах от этапа к этапу, от ерунды к положительным результатам я пришел по указаниям Льва Яковлевича, могу сказать, что своей научной подготовкой я всецело обязан покойному»⁴⁷.

⁴² Там же, стр. 230.

⁴³ ЛОА АН СССР, ф. 142, оп. I (1925), № 3, л. 3.

⁴⁴ В. К. Арсеньев, Жизнь и приключения в тайге, стр. 230.

⁴⁵ Сб. «Тихий океан. Русские научные исследования», Л., 1926, стр. 159.

⁴⁶ Сб. «Экономика Дальнего Востока», М., 1927, стр. 50—77.

⁴⁷ «Записки Приморского филиала Географического общества СССР», 1966, т. 25, стр. 104.

Арсеньев также часто выступал с самыми различными научными докладами и лекциями, в которых он приводил множество интересных сведений по этнографии Дальнего Востока. Все публичные выступления Арсеньева производили необычайно сильное впечатление на слушателей, потому что он был вдохновенным рассказчиком. В домашней обстановке Арсеньев всегда оказывался в центре всеобщего внимания и готов был рассказывать о малых народах Дальнего Востока несколько часов подряд.

В начале 1928 г. В. К. Арсеньева ждал крупный успех. Из далекого Сорренто пришло письмо от А. М. Горького: «...Книгу Вашу я читал с великим наслаждением. Не говоря о ее научной ценности, конечно, несомненной и крупной, я увлечен и очарован ее изобразительной силой. Вам удалось объединить в себе Брема и Фенимора Купера,— это, поверьте, неплохая похвала. Гольд написан Вами отлично, для меня он более живая фигура, чем «Следопыт», более художествен. Искренне поздравляю Вас... Подумайте, какое прекрасное чтение для молодежи, которая должна знать свою страну?»⁴⁸.

Характерно, что А. М. Горький, отвечая на вопрос известного литературоведа П. С. Когана, какая книга из советской литературы последних лет произвела на него наибольшее впечатление, назвал книгу В. К. Арсеньева «В дебрях Уссурийского края».

В том же 1928 г. началось плодотворное сотрудничество Арсеньева с кинематографистами.

Были созданы три первых этнографических фильма, посвященных Советскому Дальнему Востоку: «В дебрях Уссурийского края», «Лесные люди удэхейцы» и «Тумгу». Выход на экран этих фильмов был большим событием для этнографов страны. Вскоре В. К. Арсеньеву было предложено стать редактором еще двух этнографических фильмов — «Ламуты» и «Коряки»⁴⁹.

Десятки советских и иностранных этнографов обращались к В. К. Арсеньеву с самыми различными запросами. Так, недавно были опубликованы некоторые письма Арсеньева ленинградскому этнографу Е. Г. Кагарову, который интересовался вопросами шаманизма⁵⁰. Арсеньев прислал Кагарову несколько ценных для него фотографий, в частности, «всей шаманской группы севонов вместе с пнями», которые были Арсеньевым переданы в хабаровский музей⁵¹. Материалы, полученные от В. К. Арсеньева, были частично использованы Е. Г. Кагаровым в его статье «Мифологический образ дерева, растущего корнями вверх»⁵². Арсеньев также переписывался с В. Г. Богоразом, А. М. и Л. А. Мервартами и некоторыми другими ленинградскими этнографами. Самую деятельную поддержку он оказывал и этнографам, приезжавшим на Дальний Восток.

На все запросы центральных учреждений, особенно если они касались этнографических проблем, В. К. Арсеньев всегда старался аккуратно отвечать. В этой связи большой интерес представляют хранящиеся в архиве Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая обстоятельные ответы Арсеньева на письма секретаря Этнологической секции Тихоокеанского комитета⁵³. Эти от-

⁴⁸ А. М. Горький, Собр. соч., т. 30, М., 1955, стр. 70. Фотокопия письма воспроизведена во втором томе шеститомного собрания В. К. Арсеньева, изданного во Владивостоке в 1947 г.

⁴⁹ «Дальний Восток», 1961, № 2, стр. 173.

⁵⁰ См.: «Письма В. К. Арсеньева этнографу Е. Г. Кагарову 1928 г.», публикация Л. В. Азадовской, «Дальний Восток», 1970, № 9, стр. 130—131.

⁵¹ Там же.

⁵² «Доклады Академии наук СССР», Серия В, 1928, № 15, стр. 131—135.

⁵³ Архив ЛО ИЭ АН СССР, ф. 8, оп. 6, д. № 22, листы не нумерованы. Авторы статьи пользуются случаем, чтобы выразить благодарность Р. В. Каменецкой за предоставление им в пользование цитированных писем В. К. Арсеньева.

веты дают ясное представление не только о трудах В. К. Арсеньева, но и других дальневосточных этнографов (П. П. Шмидта, Е. И. Титова и др.). Безусловно эти письма Арсеньева следовало бы опубликовать.

С 1929 г. Арсеньев стал вновь задумываться относительно переезда в Ленинград или на Урал. Он мечтал о спокойной обстановке, которая позволила бы ему закончить монографию «Страна удэне». 8 декабря 1928 г. Арсеньев писал: «Все мои предшествующие работы и статьи — являются не более как подготовительными материалами для основной моей работы «Страна удэне». Эта монография — цель моей жизни. Если бы мне не удалось ее издать, я считал бы это большой личной катастрофой. За 27 лет мне удалось собрать такие материалы, которые уже вновь собрать не удастся. Старики в большей части вымерли, а молодежь современная (я говорю о туземцах) с утратой прежних традиций, утратила все почти обычаи и обряды...»⁵⁴.

Но издать «Страну удэне» так и не удалось. В начале 1930 г. Арсеньеву предложили занять должность начальника Бюро экономических изысканий Уссурийской железной дороги. Он возглавил 4 экспедиции по обследованию районов предполагаемого железнодорожного строительства.

Летом 1930 г. он выехал на Нижний Амур. В тайге простудился и во Владивосток вернулся больным. Простуда перешла в крупозное воспаление легких, и 4 сентября В. К. Арсеньев умер в расцвете творческих сил.

Уже давно этнографов волнует судьба основного труда Арсеньева — «Страна удэне». Труд остался незаконченным и, следовательно, надо искать не готовую рукопись, а ее составные части. В описании его научного архива, хранящегося во Владивостоке, под № 22 числится «Книга записей орочей по алфавиту с разных мест (тетрадь 1-я большая, тетрадь 2-я малая) и под № 23 — «Словарь комплексный и технический»⁵⁵. Вне всякого сомнения эти словари входили в состав этого труда Арсеньева. Еще в 1913 г., сообщая о своей работе над монографией «Орочи-удэне и их словарь», Арсеньев писал: «Орочский словарь я делю на четыре группы: I) общий по четырем провинциализмам — Кусун, Самарги, Бикин, Хунгари, II) шаманский — на котором шаманы камлают. Орочи говорят, что это их прежний язык, III) язык сказок — поэтический, на котором они поют свои сказки и IV) технический — весьма сложный»⁵⁶. Там же хранятся и некоторые другие материалы Арсеньева по удэхеям и орочам. В 1926 г. во Владивостоке была издана брошюра Арсеньева «Лесные люди удэхеицы». Сам ее автор признавался, что это ни что иное как «популярное и сокращенное изложение того большого труда «Страна удэне», которую я готовлю к печати»⁵⁷. Все эти данные помогают представить, как выглядела основная монография В. К. Арсеньева и хочется верить, что сотрудники Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, основанного осенью 1971 г., еще смогут в какой-то степени ее реконструировать.

Следует горячо приветствовать начало публикации на страницах журнала «Дальний Восток» экспедиционных дневников Арсеньева. Этнографы ждут от этой публикации много полезного и, возможно, неожиданного. Напомним, что по этим путевым дневникам биограф Арсеньева Г. Г. Пермяков неопровержимо установил, что самая первая встреча Арсеньева с героем его произведений Дерсу Узала произошла 3 августа 1906 г.⁵⁸, а не в 1902 г., как это считалось до недавнего вре-

⁵⁴ Архив ЛО ИЭ АН СССР, ф. 8, оп. 6, д. № 42.

⁵⁵ В. К. Арсеньев, Соч., т. 6, стр. 260.

⁵⁶ «Письма В. К. Арсеньева к Д. Н. Анучину», публикация А. И. Васиной, «Сибирские огни», 1963, № 3, стр. 183.

⁵⁷ Архив ЛО ИЭ АН СССР, ф. 8, оп. 6, д. № 22, письмо от 8 декабря 1928 г.

⁵⁸ Г. Г. Пермяков, Тропой женшеня, стр. 135—136.

мени. Это означает, что в своих литературных произведениях Арсеньев иногда пользовался правом литератора отходить от документальной точности. Дерсу Узала (Дерчу Оджал) был самой колоритной фигурой из всех проводников Арсеньева. Поэтому он и решил сделать его герцем сразу двух своих главных литературных произведений.

Необходимо продолжить публикацию огромного эпистолярного наследия Арсеньева, а также издать многочисленные воспоминания о нем, собранные во Владивостоке Приморским краеведческим музеем и в Хабаровске писателем Г. Г. Пермяковым.

В литературе В. К. Арсеньева называют путешественником, писателем, краеведом, охотоведом, топографом, знатоком ботаники и зоологии и т. д. Все изложенное, однако, показывает, что он был прежде всего этнографом, крупнейшим знатоком народов Советского Дальнего Востока. Своими большими успехами он во многом был обязан ленинградским этнографам, особенно Л. Я. Штернбергу, благодаря помощи которого он смог преодолеть узость и опасную самоуверенность провинциального мышления, стать ученым с мировым именем. Труды В. К. Арсеньева навсегда останутся ценнейшим источником этнографических сведений, ибо многое из того, что он успел зафиксировать, теперь уже исчезло бесследно.

Арсеньев был большим другом малых народов Дальнего Востока. Он сделал многое для того, чтобы выяснить их нужды, активно способствовал тому, чтобы при Советской власти их жизнь пошла по иному пути. Став необыкновенно популярным писателем, В. К. Арсеньев не только усилил интерес у советской общественности к Дальнему Востоку, к его малым народам и к самим этнографическим исследованиям, но и смог доказать еще раз, что этнография как наука имеет большое научное и практическое значение.

V. K. ARSENYEV AS AN ETHNOGRAPHER

In September 1972 we celebrate the hundredth birth anniversary of the prominent writer and explorer of the Russian Far East, V. K. Arsenyev. The article recounts his ethnographic field work, learned publications, museum work, his literary works devoted to the region's aborigines.

Рис. 3. Дерсу Узала